

Шевардинский редут

сквозь призму военно-теоретических воззрений своего времени

Место Шевардинского редута в системе оборонительных сооружений Бородинской позиции Российской Императорской армии всегда вызывало определённый интерес как у тех, кто профессионально и глубоко занимался изучением батальных событий Отечественной войны 1812 г., так и у тех, кто использовал материалы о первой Отечественной войне для написаний глобальных историй России и Европы, романов и повестей, учебников и пособий, докладов и лекций, статей и диссертаций, а также различной публицистической продукции.

Оборонительный характер полевой Бородинской позиции никогда не вызывал сомнений. Это даёт право посмотреть на неё глазами участника Бородинского сражения, одного из основоположников военной науки Карла фон Клаузевица, чьи теоретические положения базировались в том числе и на опыте Отечественной войны 1812 г.: «Обороняющийся выжидает приближения наступающего на своей позиции; он выбрал для этого подходящую местность и устроился на ней, т.е. точно её изучил, соорудил основные укрепления на некоторых важнейших пунктах,.. Фронт позиции должен быть более или менее силён; доступы к фронту должны быть затруднены... рвами, а также другими преградами или же влиянием командующих укреплённых пунктов;.. Опорные пункты, которые он (обороняющийся. – А. С.) выбрал для своих флангов, обеспечивают его от внезапного нападения...»¹. И далее Клаузевиц продолжал: «Каждая позиция, на которой мы, принимая сражение, используем местность как средство защиты, есть позиция

оборонительная... На настоящей... оборонительной позиции является господствующим понятие места; решение (результат сражения. – А. С.) должно произойти на этом именно месте или точнее – преимущественно посредством этого места... Лишь из тактических свойств места, строго говоря, происходит выражение «оборонительная позиция»ⁱⁱ.

Оборонительная позиция могла иметь и стратегическое значение, для раскрытия которого, по мнению Клаузевица, следовало уяснить понятие «обход позиции». «Обход позиции, — писал он, — относится к её фронту и производится или с тем, чтобы напасть на позицию с фланга или даже с тыла, или же для того, чтобы перерезать пути отступления и коммуникационную линию... Нападение с фланга или с тыла носит тактический характер., а позиция... должна... обеспечить по меньшей мере возможность выгодных боевых комбинаций на флангах и в тылу, поскольку им угрожает опасность. Следовательно обход с целью атаки позиции с фланга или тыла не сводит позицию к нулю; сражение,.. которое разовьётся,.. должно доставить обороняющемуся те выгоды, какие он вообще мог рассчитывать получить от неё.»ⁱⁱⁱ. Это понятие вполне применимо к Бородинской позиции в решающий день генерального сражения 26 августа 1812 г.

В отношении же Шевардинского редута применим тактический характер обхода, ибо бой за обладание редутом не завершал, а открывал Бородинское сражение, в ходе которого решались стратегические задачи войны.

Но вернёмся к взглядам Клаузевица, который требовал: «Отходящий в косом направлении путь отступления облегчает наступающему тактический обход и связывает наши тактические

движения в течение сражения. Косое по отношению к коммуникационной линии расположение является часто не виной тактики, а следствием недостатков позиции как стратегического пункта: его например совершенно невозможно избежать, когда ведущая в тыл дорога меняет своё направление в районе позиции (Бородино 1812 г.)...» Клаузевиц особо подчёркивал: «... Позиция должна быть такова, чтобы на неё можно было смотреть как на множитель сил армии... Где природа сделала многое, но всё же недостаточно по сравнению с нашими пожеланиями, там приходит на помощь фортификационное искусство... Оборонительная позиция должна быть тем сильнее, чем больше у нашего противника решимости атаковать... Когда пред нами Бонапарт, мы можем и должны отойти за более сильное прикрытие, чем когда мы имеем дело с каким-нибудь Дауном^{iv} или Шварценбергом^v... Расположиться за значительной рекой настолько близко, что таковая может рассматриваться как преграда, усиливающая наш фронт (что порой и имело место), означает не что иное, как сделать реку опорным пунктом для нашего левого или правого фланга (как например, р. Колочь. – А. С.), противник естественно окажется вынужденным переправиться через реку правее или левее и атаковать, совершив захождение фронтом; таким образом главный вопрос будет заключаться в том, какие это принесёт нам выгоды или невыгоды... Целесообразным применением полевых укреплений можно возместить недостаток природной силы отдельных пунктов...»^{vi}. Именно такую роль был призван сыграть в том числе и Шевардинский редут как опорный пункт первоначального левого фланга позиции.

Оборонительная позиция становится тем сильнее, «чем труднее

разгадать её действительную силу». Однако в отношении Шевардинского редута не приходится говорить о «скрытности наших мероприятий» и о «превосходстве в средствах внезапности на нашей стороне». Поэтому о «подавляющем, решительном влиянии местности» применительно к Шевардинскому редуту говорить не приходится.

Не меньшее внимание Клаузевиц уделял вопросу прикрытия флангов армии, подчёркивая: «... Фланги... крайне важные части, ибо здесь, благодаря возможности обхода, сопротивление уже не так просто, как на фронте, мероприятия становятся сложнее и требуют больше времени и приготовлений. По этой причине в большинстве случаев является необходимостью оградить фланги от непредвиденных предприятий со стороны противника; это достигается сосредоточением на флангах более крупных масс войск, чем это необходимо для простого наблюдения. Чем больше эти массы, тем отеснение их... потребует большего времени, большего развёртывания неприятельских сил и приведёт к более ясному раскрытию его намерений; этим наша цель уже будет достигнута... Поэтому на части, расположенные на флангах, можно смотреть как на боковые авангарды, задерживающие продвижение противника в пространстве, находящемся за пределами наших крыльев, и обеспечивающие нам время принять соответствующие меры для противодействия. Если этим частям предстоит отходить на главные силы..., то очевидно, что они должны быть расположены не на линии общего фронта, а несколько выдвинуты вперёд... Что касается частей, расположенных на флангах, то их назначение – наблюдение за противником и замедление его наступления... Но наблюдение должно достигать и более высокой степени: нужно, чтобы неприятель оказался вынужденным развернуть перед передовым отрядом свои войска и при этом раскрыл бы не

только свои силы, но и планы... Но сверх этого они (передовые отряды. – А. С.) должны ещё замедлить наступление противника, а для этого необходимо оказать уже действительное сопротивление...»^{vii}. Можно подумать, что все эти рассуждения списаны Клаузевицем с Шевардинского отряда. Ничего удивительного, ибо это общие военно-теоретические положения начала XIX в., на которых базировалось и создание Шевардинского редута.

Концентрируя основные положения эпохального труда Клаузевица «О войне», известный военный деятель XIX в. М.И. Драгомиров отмечал: «Чтобы служить для упора фланга, преграда должна быть совершенно недоступна... Но... совершенно обеспеченная опора флангов весьма редка... Если препятствие доступу не совершенно неодолимо, то оно уже не опора, а только усиление фланга... Чем пункты опоры флангов менее надёжны, тем их должно более поддерживать... Местности, которые нельзя пройти фронтом, можно пройти, но медленно и с утомлением... Леса могут быть отнесены к этой категории только тогда, когда они чрезвычайно густы и болотисты... Но весьма опасно... иметь лес перед фронтом или на фланге. Это допустимо только... если лес проходим по немногим дорогам. Засеки... немного помогают, ибо их слишком легко устранить... Весьма выгодно сочетать с этими препятствиями употребление укреплений... Отдельные пункты не могут вообще быть защищаемы иначе, как при помощи укреплений или сильного местного препятствия... Эти отдельные посты служат иногда передовыми пунктами..., имея назначением... задержку неприятеля... Часто необходимо упорно держаться на отдалённом пункте, дабы выиграть время»^{viii}.

Наличие «опорных пунктов для одного или обоих флангов» Клаузевиц считал «одним из важнейших условий для обороняющегося при выборе позиции»^{ix}.

Однако Клаузевиц не давал ответа на вопрос - в каком случае строилось то или иное укрепление? Не удалось мне отыскать и руководящих документов, в которых однозначно и чётко излагался бы ответ на этот вопрос.

Я обратился за помощью к специалистам и 13 мая 1999 г. на консультации, полученной в Военно-инженерном университете у начальника кафедры полевой фортификации доктора технических наук полковника А.П. Платонова, мне было чётко объяснено, что позицию всегда выбирал общевойсковой командир. Он же указывал инженерному начальнику, какие участки позиции необходимо усилить полевыми укреплениями. Начальник инженеров определял, какое укрепление можно соорудить на указанном участке и после согласия общевойскового командира, давшего указание, возводил это укрепление.

Такой порядок подтверждают и воспоминания Д.И. Богданова, строившего Шевардинский редут инженерного офицера: «23-го числа, к 3-ем часам по полудни, передний люнет был окончен и вооружён (речь идёт об одном из Семёновских укреплений. – А. С.), а затем мне и поручику Ольденгрону дано приказание взять 30 человек пионер, идти к Шевардинскому кургану и построить на нём редут. При этом от начальника инженеров передано нам к соображению суждение, бывшее на местности у кургана, князя Багратиона с начальником инженеров, о занятии его редутом. Генерал-лейтенант Ферстер (в описываемое время Е.Х. Ферстер был генерал-майором, а генерал-лейтенантом он стал в 1821 г. – А. С.) представил главнокомандующему, что на кургане не

поместится более трёх орудий, а потому, по занятии неприятелем противулежащих возвышений сильным числом артиллерии, редут наш с тремя орудиями не может долго держаться; орудия его скоро будут сбиты. Князь Багратион разделял вполне замечание начальника инженеров, но отвечал, что место это важно для главной нашей позиции, и потому его необходимо, согласно воли главноначальствующего армиями, сохранить на сколько будет возможно. Вечером 23 августа приступили к постройке редута...»^x.

Порядок сооружения Шевардинского редута, как и других укреплений, описанный Богдановым и разъяснённый Платоновым, полностью соответствовал требованиям «Учреждения для управления большой действующей армии». Вот что входило в «обязанность, власть и ответственность» начальника Инженерного управления, согласно этому документу: «Он подаёт проекты временному укреплению мест и, по утверждении их главнокомандующим, приводит в исполнение..., имеет неослабное наблюдение... к правильному и поспешному заложению и производству работ... Он не в праве делать отмен в расположении и самом производстве работ противу утверждённой диспозиции»^{xi}. Строго в соответствии с перечисленными требованиями поступал и начальник инженеров или инженерного управления 2-й армии генерал-майор Е.Х. Ферстер.

Итак, сооружение Шевардинского редута отвечало военно-теоретическим взглядам и установленному порядку своего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Клаузевиц К. О войне. М., 1934. С. 332.

ⁱⁱ Там же. С. 349.

ⁱⁱⁱ Там же. С. 350.

^{iv} Дауны – старинный германский графский род, из которого вышли несколько известных военачальников австрийской армии.

^v *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 352.

^{vi} Там же. С. 490.

^{vii} Там же. С. 359-361.

^{viii} *Драгомиров М. И.* Учение о войне Клаузевица. Основные положения. СПб., 1888. С. 28-32.

^{ix} Там же. С. 34.

^x Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 474. Оп. 1. Д. 1326. Л. 7-об. Выписка из воспоминаний Богданова любезно предоставлена автору И. С. Тихоновым.

^{xi} Учреждение для управления большой действующей армии // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание I. СПб., 1830. Т. XXXII. С. 159.